

Предисловие переводчика

Польское восстание 1830–1831 годов — один из самых интересных эпизодов истории первой половины XIX века. Причем в контексте не только российской и польской, но и европейской истории. Восставшие поляки отвлекли на себя силы Российской империи и в значительной степени помешали Петербургу энергично отреагировать на потрясения, происходившие в это время в Западной Европе. В итоге Николай I был вынужден смириться с итогами революций во Франции и Бельгии, которым изначально планировал активно противодействовать, и заняться внутренними проблемами своей огромной державы.

До 1830 года Царство Польское обладало в составе Российской империи широкой автономией, имело свое собственное правительство, законы и армию. Именно поэтому мы с равным на то основанием можем называть события 1830–1831 годов как «польским восстанием», так и «российско-польской войной».

- 6 Термин «война» в названии книги указывает еще и на то, что ее автор сосредотачивается на боевых действиях, в значительной степени оставляя в стороне политические процессы.

Именно эта, военная сторона событий 1830–1831 годов хуже всего знакома отечественному читателю. Серьезные исследования на данную тему были опубликованы на русском языке более полутора веков назад, с тех пор не переиздавались и являются не только труднодоступными, но и в значительной степени устаревшими. Это легко объяснимо — наибольшее внимание боевые действия привлекают в тот период, когда их опыт является актуальным для настоящего и будущего. После того, как во второй половине XIX века индустриальная эпоха начала кардинально менять облик войны, кампания 1831 года в значительной степени утратила свою актуальность.

Иной точки зрения придерживался знаменитый военный историк конца XIX века Герман Кунц (1847–1905). Участник Немецкой войны 1866 года и Франко-германской войны 1870–1871 годов, он вышел в отставку в 1888 году в звании майора и целиком посвятил себя исследовательской и литературной деятельности. В течение следующих полутора десятилетий из-под его пера вышло множество работ, посвященных кампаниям второй трети XIX века, включая Крымскую войну, войны за

объединение Италии 1848–1849 и 1859 годов, войны за объединение Германии 1860-х годов. Большая часть его произведений была посвящена Франко-германской войне. В 1890 году увидела свет его книга о русско-польской войне 1831 года. Кунц тщательно работал с источниками, стремясь опираться на материалы всех сторон конфликта и критически анализируя данные. Будучи профессиональным военным, он, помимо всего прочего, стремился извлечь из прошлого уроки для грядущих кампаний. В конце XIX века одним из потенциальных театров военных действий с немецкой точки зрения являлась как раз русская Польша.

Работа Кунца является весьма качественным описанием боевых действий кампании 1831 года и с этой точки зрения не устарела по сегодняшний день. Важным преимуществом книги является то, что она написана весьма живым, местами даже эмоциональным языком. Автор не стремится воздерживаться от оценок действий сторон, порой весьма хлестких и жестких, однако всегда аргументирует свою точку зрения. Он подробно разбирает ошибки как российских, так и польских военачальников; не принадлежа ни к одной из противоборствующих партий, Кунц не испытывает нужды в том, чтобы приукрашивать реальность, и является достаточно объективным исследователем.

- 8 Работа издается с небольшими сокращениями — фрагменты, в которых автор рассуждает об актуальности опыта 1831 года с точки зрения военного искусства конца XIX века, не имеют прямого отношения к теме исследования и поэтому были опущены при переводе.

Н. А. Власов

Предисловие автора

Данная книга представляет собой попытку по возможности кратко и ясно описать военные события 1831 года. Изучение этой кампании несколько затруднено для обычного читателя, поскольку не существует ее официальной истории ни на русском, ни на польском языке, а множество источников своей пылкой пристрастностью порой затуманивают происходившее.

Задачей автора было распутать клубок противоречащих друг другу сообщений и установить истину. Для этого потребовалось весьма тщательное критическое исследование, которое вряд ли окажется по силам отдельному читателю.

Я льщу себя надеждой на то, что смог сохранить объективность в процессе критического анализа событий. Кампания 1831 года плохо известна у нас, однако весьма поучительна. Я постарался внести свой вклад в ее изучение, необходимое германским и австрийским

10 офицерам еще и потому, что данная война может преподать множество актуальных уроков и принести непосредственную пользу. Ведь не случайно говорят о том, что при подготовке к вероятной войне необходимо хорошо знать театр будущих военных действий и те события, которые разворачивались на нем в прошлом.

Сегодня молодые офицеры настолько заняты потребностями практической службы, что у них остается мало времени для военно-исторических штудий. В высшей степени желательно упростить такие штудии, поскольку знания военной истории – единственный фундамент, на котором солдат может успешно возвести здание собственного мастерства. Моя задача как раз и заключается в том, чтобы распространять в широких кругах сведения о новейшей военной истории.

Берлин, 27 января 1890 года

События до ввода русских войск в Царство Польское

Созданное на Венском конгрессе Царство Польское насчитывало в 1830 году 4 137 600 жителей. Под российским управлением страна быстро развивалась во всех отношениях, материальное благосостояние росло, финансы были упорядочены. Если в 1816 году государственные доходы составляли лишь 12 миллионов марок, то к 1829 году они достигли 44 миллионов. Торговля и земледелие процветали, их положение улучшалось с каждым годом. В Варшаве, насчитывавшей в 1814 году менее 80 тысяч жителей, в 1830 году проживало 130 тысяч человек. Процентная ставка по займам упала с 8–10 до 5 процентов — обстоятельство, весьма важное в польских условиях. В Польше имелось свое правительство, свой парламент и своя армия. Последняя состояла из следующих подразделений:

а) пехота: гвардейский гренадерский полк, 4 егерских полка, 8 линейных полков, ветеранский полк — всего 14 полков двухбатальонного состава;

12 b) кавалерия: полк гвардейских конных егерей, 4 уланских полка, 4 полка конных егерей — всего 9 полков по 4 эскадрона в каждом, а также два жандармских эскадрона;

 c) артиллерия: 6 обычных батарей по 12 орудий, 3 конные батареи по 8 орудий, 10 ракетных установок = 106 орудий;

 d) саперы — один батальон.

Вся польская армия насчитывала в общей сложности 28 батальонов пехоты по 850 штыков в каждом, 38 эскадронов кавалерии по 150 сабель, саперный батальон (850 солдат) — в общей сложности 23 800 штыков, 6840 сабель, 106 орудий.

Как и везде при описании этой войны, мы говорим о штатной численности подразделений, поскольку реальное количество солдат не всегда можно в точности установить — в особенности в случае поляков из-за наличия многочисленных вольных стрелков и партизан, которые в дальнейшем составили значительную часть польской армии.

Многие из вышеперечисленных польских соединений размещались в самой Варшаве: гвардейские конные егеря, гвардейские гренадеры, 4-й пехотный полк, гренадерские роты всех остальных пехотных полков, а также саперный батальон — в общей сложности 5 батальонов, 4 эскадрона, 22 роты (8925 штыков и 720 сабель).

Из русских войск в Варшаве размещались только 4 батальона и 12 эскадронов, составлявших гвардию великого князя Константина Павловича. Артиллерия этой группировки находилась за пределами Варшавы — в Горе на Висле и в Скирневицах. Русская группировка в Варшаве насчитывала около четырех тысяч штыков и 2200 сабель.

Великий князь Константин неизменно относился к польской армии с большим расположением. Он обеспечил ей высокий уровень подготовки, придавал большое значение индивидуальному обучению солдат, и в итоге польские подразделения значительно превосходили русских в сфере умелого использования условий местности и огневого боя.

Восстание вспыхнуло в Варшаве вечером 29 ноября 1830 года. План заговорщиков заключался в том, чтобы умертвить великого князя Константина, разоружить русские подразделения, захватить арсенал и тем самым одним ударом взять власть в свои руки. Выполнить эту программу не удалось — частью из-за нерешительности заговорщиков, частью потому, что не все польские части пожелали нарушить присягу. Масса недовольной молодежи устроила мятеж; у них у всех не хватало опыта, у многих знаний и даже характера. Если бы великий князь не потерял голову, если бы он энергично использовал той ноябрьской

14 ночью свои прекрасные русские подразделения и оставшихся верными ему поляков, то скорее всего ему удалось бы подавить восстание в зародыше. Однако великий князь практически не использовал в бою русские части, а отошел вместе с ними и фактически отказался от попыток справиться с мятежом.

Вся безнадёжность восстания стала очевидной уже в момент его начала. Восставшие не смогли создать сильного и общепризнанного правительства. Более опытных и мудрых поляков отпугнула необузданность повстанцев, старые польские офицеры считали безумием начинать борьбу против русского колосса, не имея уверенности в иностранной поддержке.

Единственным человеком, пользовавшимся доверием всей Польши и в особенности польской армии, был генерал Хлопицкий. Уже достигший 60-летнего возраста, но крепкий и закаленный в боях, хладнокровный и бесстрашный, он являлся выдающимся военачальником. Скука мирной службы была ему не по душе; когда однажды во время вахтпарада великий князь Константин сделал ему замечание из-за солдата, одетого не по уставу, Хлопицкий немедленно подал в отставку и остался при своем решении, несмотря на попытки великого князя всеми возможными способами примириться с заслуженным генералом. Хлопицкий являлся солдатом до мозга костей,

он был невысокого мнения о деятельности революционной польской молодежи, достаточно долго служил под началом Наполеона и знал цену искусной, хорошо обученной армии. В возможность успешной борьбы против России он не верил.

Этот человек сам вызвался быть диктатором. Многие польские генералы и старшие офицеры, а также влиятельные немолодые дворяне разделяли его взгляды. Их замысел заключался в том, чтобы как можно скорее заключить с российским императором выгодный мир, обеспечив польской конституции более прочную основу, чем ранее, и освободив Польшу от присутствия русских войск. Хлопицкий стал в известном смысле воплощением этой партии, включавшей в себя, однако, весьма разнородные течения; она хотела подчинить себе все мятежные элементы и поддерживать порядок и спокойствие. Она не думала о том, чтобы завоевывать Литву, Волынь или Украину, она вообще не хотела сильно злить российского императора и надеялась договориться с ним. При этом она была готова храбро сражаться, если схватка станет неизбежной, однако лишь во имя чести и лишь силами кадровых частей, а не восставшей толпы, к которой испытывала глубочайшее презрение.

Могущественной аристократической партии противостояли демократы, желавшие освободить

16 всю Польшу до самых крайних когда-либо достигавшихся ею пределов. Эти люди позволяли фантазиям руководить собой. Лидером демократов был Лелевель; их основу составляла молодежь, лишенная всякого опыта. Большая их часть была готова идти на любые жертвы, однако у них отсутствовала способность превращать свой пламенный патриотизм в практические дела.

В Польше не нашлось человека, который смог бы примирить резкую вражду обеих партий и принудить их к послушанию. Именно поэтому печальный конец польского восстания являлся предсказуемым с самого начала. В действительности нельзя было надеяться на то, что Россия согласится на идеи Хлопицкого. Если поляки не желали безоговорочно подчиниться, им следовало готовиться к войне до последней капли крови, увеличив войско до максимально возможного размера. Однако и этого было бы недостаточно, если бы не нашлось командиров, уверенных в возможности победы и сражавшихся не только ради чести. В первую очередь, однако, следовало создать центральное правительство, перед которым склонилась бы вся Польша; правительство, которое сочетало бы в себе мудрую предусмотрительность, безоглядную энергию и практический организационный талант.

Ничего этого не произошло, и Польше суждено было погибнуть. Поляки создали целый ряд органов, призванных контролировать друг друга, но народ не доверял полностью ни одному из них. В результате с самого начала возникла неизбежная путаница. Хлопицкий вскоре сложил с себя диктаторские полномочия, и было создано правительство во главе с князем Адамом Чарторыйским в качестве президента. Главнокомандующим армии был назначен князь Радзивилл — весьма уважаемый аристократ, совершенно неспособный командовать войском.

Итак, восстание началось в весьма неблагоприятных условиях. Для усиления войска было сделано следующее. В целях укрепления линейных подразделений были призваны старые солдаты — однако не в полном объеме, а лишь те, кто явился добровольно. Из этих солдат сформировали третьи и четвертые батальоны пехотных полков, пятые и шестые эскадроны кавалерийских. Поскольку старых и опытных солдат не хватало, в четвертые батальоны пришлось сразу же зачислить 14 600 рекрутов. Предположительно сразу же позаботились о создании запасных частей. В процессе была допущена большая ошибка: «старые» батальоны пехотных полков оставили нетронутыми, сформировав третьи батальоны исключительно из «ветеранов», а четвертые — из смеси

18 «ветеранов» и рекрутов. В результате получалось, что в каждом полку два батальона были великолепны, третий хорош, четвертый уже довольно посредственный. Создание пятых и шестых эскадронов кавалерийских полков было поручено генералу Дверницкому, который наряду с опытными солдатами включил туда массу добровольцев и в итоге получил весьма удачное сочетание из умелых с одной стороны и молодых и страстных с другой; новые эскадроны стали лучшей конницей польской армии.

Увеличение армии за счет этих мер оказалось в итоге незначительным — достаточно для того, чтобы с честью сразиться с врагом, но слишком мало для серьезной борьбы с огромным русским войском. Для создания 16 новых пехотных полков были направлены 43 800 рекрутов, еще 19 200 рекрутов предназначены для других целей. Поскольку кадровый костяк новых полков не был взят из существующих, в итоге получились два сорта пехоты. Старые полки внушали самые смелые надежды, новые оставляли желать многого, тем более что и вооружены они оказались не лучшим образом. В Варшавском арсенале было найдено 36 тысяч ружей, однако в первые дни беспорядков почти половина из них попала в руки евреев, откуда их удавалось выволить лишь постепенно. Хотя торговля

оружием через австрийскую границу была запрещена лишь в середине января 1831 года, поляки не смогли быстро организовать большие закупки. Не было правительства, которое смогло бы одновременно закупать оружие за рубежом, конфисковать все охотничьи ружья и организовать масштабное производство. В итоге большей части солдат новых полков вручили косы, тем самым еще больше снизив их и без того невысокую боевую ценность. Рассматривая вопрос вооружения, нельзя забывать, что в 1830 году еще существовал вольный город Краков, где при наличии некоторой доли предусмотрительности можно было бы накопить огромные запасы оружия, которые после начала восстания оставалось бы только доставить войску.

В кавалерии ощущалась сильная нехватка верховых лошадей. Пришлось использовать тягловых лошадей, а позднее даже необученных крестьянских лошадок. И все же сформированные воеводствами добровольческие кавалерийские полки имели значительно большую ценность, чем новые пехотные.

Самые большие проблемы возникли у артиллеристов, которым не удалось раздобыть достаточное число орудий. Правильной мерой стало создание артиллерийского батальона, предназначенного для того, чтобы возмещать потери расчетов.

Во всех родах войск не хватало офицеров, и более всего в пехоте. Этому легко можно было бы помочь, производя большое количество опытных унтер-офицеров в офицерские чины, однако такая мера противоречила аристократическим воззрениям правившей партии. Офицерами назначали молодых дворян, поначалу ничего не понимавших в службе. Оказываемое им несправедливое предпочтение раздражало старых и опытных офицеров линейных частей. Некоторые из этих молодых людей являлись пламенными сторонниками радикальной революционной партии и своим необузданным поведением разваливали армейскую дисциплину.

Рассматривая события 1831 года, нужно постоянно напоминать себе о том, что вожди нации не направляли все свои силы на создание революционной армии, а лишь неохотно терпели ее, что почти все польские генералы предвидели окончание войны у ворот Варшавы и с величайшим презрением смотрели на «шапочников» и «косарей». И позднее не было предпринято ни единой попытки исправить тяжелые ошибки, допущенные при развертывании армии, и в итоге до самого конца кампании существовало два совершенно разных сорта польских войск. Старые полки после каждой битвы теряли качество из-за потерь; новые полки так и не получили хоро-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru